

ЕЖИ БОРЕЙША: ИСТОРИК И СВИДЕТЕЛЬ

Горизонтов Леонид Ефремович — доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Автор признателен профессору М. Волосу и доктору П. Глушковскому за помощь в работе над статьей.

E-mail: lgorizontov@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен долгий путь в науке видного польского историка Е. В. Борејши (1935–2019). Он внес значительный вклад в изучение Польши XIX в., особенно польской политической эмиграции, которой посвятил первые книги. Позднее в круг его научных интересов вошло также исследование тоталитарных режимов и идеологий XX в., прежде всего итальянского фашизма и германского нацизма. Борејша рассматривал их влияние на Восточную Европу и культивировавшиеся в Третьем рейхе представления о будущем славянских народов.

Проведя значительную часть жизни за пределами Польши (в России, Италии, Германии, Франции), историк активно участвовал в международном сотрудничестве и инициировал крупные коллективные проекты, в частности по изучению Крымской войны. Со студенческих лет Е. Борејша поддерживал контакты с российскими коллегами, ставшие особенно интенсивными в начале XXI в. Он способствовал общению историков разных стран, придавая большое значение научной дипломатии.

Портрет польского ученого дается в широком историко-научном и политическом контексте второй половины XX и начала XXI в. Характеризуются взгляды Е. Борејши по ряду актуальных вопросов, его оценка исторической политики.

Наряду с использованием научных трудов историка вводятся в оборот его недавно изданные мемуары и интервью, которые автор статьи дополняет собственными воспоминаниями о польском коллеге. Обширные мемуары Е. Борејши содержат ценный материал по интеллектуальной и политической истории Восточной и Западной Европы, а также истории исторической науки.

Ключевые слова: Ежи Войцех Борејша, польская историческая наука, польская политическая эмиграция, тоталитаризм, польско-российские научные связи.

L. E. Gorizontov

Jerzy Borejsza: a Historian and Witness

Leonid Gorizontov, the National Research University — Higher School of Economics, the Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: lgorizontov@yandex.ru

Abstract. The article presents a long scholarly way of the prominent Polish historian J. W. Borejsza (1935–2019). He made a significant contribution to the study of the 19th century Poland, especially the Polish political emigration, to which his first books were devoted. Later the scope of his research interests was enlarged by the study of the 20th century totalitarian regimes and ideologies, mainly Italian Fascism and German Nazism.

J. Borejsza analyzed their influence on Eastern Europe and the cultivated in the Third Reich views about the future of Slavic peoples.

Having spent a significant part of his life outside Poland (in Russia, Italy, Germany, France), the historian actively participated in international cooperation and initiated major collective projects, in particular the project on the Crimean War. Since his studentship, J. W. Borejsza maintained contacts with Russian colleagues, which became especially intensive at the beginning of the 21st century. He promoted communication between historians of different countries, attaching great importance to science diplomacy.

The portrait of the Polish historian is given in a broad scholarly and political context of the second half of the 20th and early 21st centuries. The views of J. Borejsza on a number of topical issues, including his assessment of historical policy, are characterized.

Along with the use of the researches of the historian, his recently published memoirs and interviews are introduced into circulation, which the author of the article supplements with own memories of his Polish colleague. Borejsza's extensive memoirs contain valuable material on the intellectual and political history of Eastern and Western Europe, as well as the history of historical science.

Keywords: Jerzy Wojciech Borejsza, Polish historical science, Polish political emigration, totalitarianism, Polish-Russian scientific relations.

28 июля 2019 г., незадолго до своего 84-летия, ушел из жизни крупный и яркий польский специалист по истории Восточной и Западной Европы XIX–XX вв. Ежи Войцех БореЙша.

В 1952 г. после смерти отца — попавшего в немилость видного коммуниста, решением польского руководства он был в числе многих других направлен в СССР для получения высшего образования. Десять месяцев Е. БореЙша провел в Казанском университете, а затем его перевели в МГУ, где он учился до 1957 г., специализируясь по кафедре истории южных и западных славян. С той поры Россия заняла важное место в жизни историка, в российских контактах которого всегда будут друзья и знакомые юности. В Москве студента из Польши воспринимали как социал-демократа шведско-го образца, но при этом русофила¹.

В столице СССР БореЙша скопировал большое количество архивных материалов, в частности воспоминания военного министра Д. А. Милютин о восстании 1863–1864 гг. С высокой долей вероятности можно говорить, что интерес к этому источнику — влияние преподававшего в МГУ П. А. Зайончковского (1904–1983). БореЙша подготовил перевод воспоминаний на польский язык, однако их изданию решительно воспротивилась цензура², несмотря на то, что начинавшаяся тогда многотомная советско-польская публикация документов о восстании включала переписку наместников Царства Польского, которая отражала позицию властей. Впоследствии перевод был утерян, о чем БореЙша очень сожалел. Он упоминает Зайончковского в числе своих университетских преподавателей, но их общение, видимо, не было тесным и длительным: мне довелось знакомить БореЙшу с ученицей и продолжательницей дела Зайончковского Л. Г. Захаровой (1933–2017), которая училась в МГУ одновременно с ним и в 1990-е годы инициировала издание всего милютинского мемуарного наследия.

Интерес молодого историка к переломной эпохе 1860-х годов поддержал Г. Яблоньский (1909–2003), ставший его научным руководителем в Варшавском университете. Накануне 100-летия восстания 1863–1864 гг. БореЙша был в юбилейной комиссии помощником Яблоньского, занимавшего высокое положение

¹ Borejsza J. W. Ostaniec, czyli ostatni świadek. Warszawa, 2018, s. 212.

² Ibid., s. 25.

в партийно-государственной и академической иерархии. Своими неформальными наставниками в изучении XIX в. Борейша считал С. Кеневича (1907–1992) и Г. Верещицкого (1898–1990)³.

Если дипломная работа Борейши в МГУ была посвящена польскому социалистическому движению рубежа 1880–1890-х годов, то его книги, увидевшие свет во второй половине 1960-х годов, повествуют о польской эмиграции. Прежде всего это судьба покинувших родину поляков во Франции, где историк получил возможность работать в конце 1950-х – первой половине 1960-х годов. В частности, его перу принадлежат биографии секретаря А. Мицкевича в период жизни поэта в эмиграции и генерала Парижской коммуны В. Врублевского⁴. Эти исследования принесли автору известность в кругу советских полонистов, которые разрабатывали тогда схожие сюжеты: В. А. Дьяков (1919–1995) также писал о Врублевском, С. М. Фалькович (1932–2018) изучала политическую мысль польской эмиграции 1850–1860-х годов. Именно историю польской эмиграции Борейша считал своей главной специализацией в исследовании XIX в.

В научных интересах Борейши русско-польские отношения приоритетом не стали. В социалистической Польше, по его мнению, «заниматься отечественной историей после 1917 г., а польско-российскими отношениями на всем их протяжении было невероятно затруднительно»⁵. Участвуя в 1970 г. по приглашению А. Гейштора (1916–1999) в XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве, Борейша сделал доклад о ключевых событиях 1870–1871 гг. – франко-прусской войне и Парижской коммуне.

Книга о Врублевском явилась последней индивидуальной монографией историка, посвященной XIX в. Позднее он публиковал по этой проблематике только статьи, правда, нередко весьма обширные. Работу над ранними книгами, потребовавшую поиска материала в зарубежных архивах, Борейша считал самой интересной в своей исследовательской практике.

Первый период профессиональной деятельности Е. Борейши в Польше был связан с Варшавским университетом, где с интервалом в шесть лет он защитил две диссертации. Отмеченный в Польской Народной Республике (ПНР) всплеском антисемитизма 1968 г. открыл в его жизни полосу серьезных испытаний. Последним сигналом для властей послужил доклад Борейши о советско-финляндской войне⁶. В 1975 г. состоялся его перевод в Институт истории Польской академии наук (ПАН), являвшийся в ту пору пристанищем для неблагонадежных.

Еще в самом начале 1970-х годов в научных занятиях Борейши произошли кардинальные перемены. Отныне он сконцентрировался на XX столетии, обратившись к истории итальянского фашизма, а затем германского нацизма. При этом исследователь уделял особое внимание их связи с судьбами Восточной Европы и славянства.

Надо сказать, что целый ряд польских историков в то время переключился с отечественной проблематики на зарубежную. Например, сформировалась школа исследований истории Латинской Америки во главе с Т. Лепковским (1927–1989), оставившим также яркий след в изучении Польши XIX в. Ее представителей не в последнюю очередь вдохновляло созвучное польскому менталитету и общеевропейскому настрою 1960-х годов латиноамериканское бунтарство.

³ Ibid., s. 362–363.

⁴ *Borejsza J. W.* Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966; *idem.* Sekretarz Adama Mickiewicza: Armand Lévy i jego czasy, 1827–1891. Warszawa, 1969; *idem.* Patriota bez paszportu. Warszawa, 1970.

⁵ *Шаруга Л.* Выписки из культурной периодики. – Новая Польша, 2011, № 7–8, с. 104.

⁶ *Borejsza J. W.* Ostaniec..., s. 432.

Существенно отличавшийся от нацизма итальянский фашизм имел, по наблюдениям БореЙши, немало созвучий с тогдашними режимами социалистических стран. Слишком явные параллели заключали в себе опасность для историка. Так, выступив в 1974 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР с докладом о Муссолини, БореЙша более чем на полтора десятилетия стал невъездным в Советский Союз⁷. Впрочем, уже в начале 1980-х годов общение польских историков, значительная часть которых сочувствовала политической оппозиции, с их советскими коллегами было сведено к минимуму. Исключение составили те, кто предпочел на продолжительное время обосноваться в СССР.

Одновременно БореЙша сделал выбор в пользу политической истории, не свернув на относительно спокойную стезю изучения экономической и социальной проблематики, подвергавшейся существенно меньшей регламентации⁸. Он не принадлежал к числу навсегда покинувших Польшу интеллигентов, но при поддержке западных фондов стал надолго выезжать в Италию и ФРГ. Критически оценивая происходящее на родине, БореЙша не сделался по примеру ряда детей номенклатурных работников активистом диссидентского движения. В 1980 г. он вступил в «Солидарность», а сразу после введения военного положения вышел из Польской объединенной рабочей партии⁹.

Начав изучение XX в. с разработки итальянского материала, на рубеже 1970–1980-х годов БореЙша опубликовал несколько книг по новой теме. Следует обратить внимание на новаторское освещение рецепции итальянского фашизма в странах Восточной Европы¹⁰. Со второй половины 1980-х годов стали издаваться его книги, написанные на германском материале. Историка интересовало решение судьбы славянских народов в проектах нацистов¹¹. Если о различных аспектах Холокоста написано очень много, то в монографическом изучении идеологических оснований славянофобии и ее распространения в немецком обществе БореЙша выступил первопроходцем¹². Правду о целенаправленном уничтожении славян в годы Второй мировой войны он считал необходимым популяризировать, в том числе донести до школьников.

Многие книги БореЙши о XX в. изданы на иностранных языках. Именно исследования западноевропейского тоталитаризма в наибольшей степени принесли ему международное признание. К сожалению, практически отсутствуют переводы крупных работ польского историка на русский язык.

В 1991–1996 гг. Е. БореЙша руководил Научным центром ПАН в Париже. За вклад в укрепление польско-французских научных связей он удостоился ордена Почетного легиона. После завершения каденции, которую варшавское руководство отказалось продлить, БореЙша остался во Франции в качестве университетского преподавателя. На родину он, как и А. Валицкий (род. 1930), вернулся в конце 1990-х годов признанным мэтром, с обширными связями в международном сообществе историков, имея за плечами в общей сложности 18 лет, проведенных за пределами Польши¹³.

⁷ Ibid., s. 240–241.

⁸ Borejsza J. W. Stulecie zagłady. Gdańsk – Warszawa, 2011, s. 7.

⁹ Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 217.

¹⁰ Borejsza J. W. Mussolini był pierwszy... Warszawa, 1979; edem. Rzym a wspólnota faszystowska. O penetracji faszystwu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa, 1981.

¹¹ Borejsza J. W. Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988; edem. „Śmieszne sto milionów Słowian...”. Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera. Warszawa, 2006. На русском языке см.: БореЙша Е. В. О понятии «антиславизма» у Адольфа Гитлера. — Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000, с. 369–380.

¹² Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 263.

¹³ Ibid., s. 250.

В Третьей Речи Посполитой Борейша явился свидетелем существенных изменений в интерпретации прошлого. Возраст и авторитет, убеждения и характер побуждали его к неконформизму, становившемуся в Польше все менее терпимым. Историк, значительная часть работ которого посвящена XX в., не желал мириться с тем, что историческая политика сводит историю его страны к последним 70–100 годам, представляемым в черно-белом цвете, искажает прошлое в соответствии с системой ценностей находящихся у власти людей¹⁴. Историческую политику Борейша называл псевдонимом пропаганды¹⁵. Нелицеприятно высказывался о наделенном судебными функциями Институте национальной памяти. Вспоминал оруэлловское министерство правды¹⁶. Считал однозначно тоталитарной практикой навязывание официальной трактовки прошлого¹⁷. Осуждал игнорирующего императив историзма «молодого люстратора дедов», которые жили в середине XX в.¹⁸

Борейша полагал, что национальные традиции, определившие поведение поляков в новейшее время, глубже и разнообразнее¹⁹. В частности, он считал необходимым помнить о длительной традиции левых общественно-политических движений и социалистической мысли, защищать от забвения коммунистов, за что подвергался жесткой критике. Борейша писал об ошибочности распространения понятия коллаборационизма на поляков, живших в долгом XIX в. или в Народной Польше²⁰.

В Институте истории ПАН Е. Борейша в 2001–2011 гг. возглавлял Отдел тоталитарных систем и истории Второй мировой войны, в котором продолжал работать и после ухода с руководящей должности. В начале XXI в. он существенно укрепил свои контакты с российскими коллегами, сотрудничая с такими ведущими академическими и университетскими центрами, как институты всеобщей истории, российской истории, славяноведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Московский государственный университет, Московский государственный институт международных отношений, Казанский государственный университет. Его поездки в Россию, всегда предельно насыщенные профессиональным, деловым общением, были одновременно ностальгическими. Борейша выступал на конференциях, публиковался в российских изданиях, привлекал россиян к участию в своих проектах, работал в архивах. На протяжении полутора десятилетий я достаточно регулярно встречался и вел переписку с Е. Борейшей. Поэтому в данной статье неизбежно присутствуют и мои собственные воспоминания о нем.

Отличительной чертой научной деятельности Борейши в начале XXI в. стало руководство им крупными международными проектами. Он являлся и автором идеи, и организатором, умевшим находить специалистов, финансовые и издательские возможности, и редактором.

Борейша инициировал и возглавил проект, посвященный Крымской войне, пришед к заключению, что этот крупнейший международный конфликт — предтеча мировых войн, надолго выпал из поля зрения историков всех стран, принимавших в нем участие. Итогом стала публикация двух сборников — польского и международного по составу авторов²¹. Пожалуй, проект Борейши превзошел своим масштабом все другие

¹⁴ Ibid., s. 373, 418.

¹⁵ *Шаруга Л.* Указ. соч., с. 104.

¹⁶ *Borejsza J. W.* Ostaniec..., s. 11–12.

¹⁷ *Borejsza J. W.* Stulecie zagłady, s. 191.

¹⁸ *Borejsza J. W.* Ostaniec..., s. 197.

¹⁹ *Шаруга Л.* Указ. соч., с. 104–105.

²⁰ *Borejsza J. W.* Stulecie zagłady, s. 136–138.

²¹ *Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej.* Red. J. W. Borejsza, G. P. Bąbiak. Warszawa, 2008; *The Crimean War 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals.* Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw, 2011.

начинания, связанные со 150-летием войны. На конференции, прошедшей под Варшавой в октябре 2007 г. помимо польских историков присутствовали представители России, Великобритании, Франции, Италии, Турции, Болгарии и Румынии²². Борейша доверил мне формирование группы российских участников и остался доволен нашим вкладом в реализацию проекта²³.

Он подчеркивал, что в Крымскую войну поляки воевали по обе стороны фронта. Приводил свидетельство источника о разговоре на линии разграничения противоборствующих сил, в ходе которого офицеры-поляки из российской армии узнали о смерти Николая I от своих соотечественников, получавших новости по телеграфу. Борейша предложил свое решение вопроса, почему в период Крымской войны поляки не подняли восстание.

Еще одним проектом явилось изучение судьбы тесно связанной с Коминтерном польской коммунистической эмиграции в СССР. Тема эта и в социалистические, и в постсоциалистические времена по разным причинам оказывалась неудобной. Не просто было разрабатывать ее также на Западе, о чем свидетельствует опыт М. К. Дзевановского (1913–2005), научные интересы которого эволюционировали противоположным случаем Борейши путем. Американский историк польского происхождения, писавший диссертацию о Коммунистической партии Польши в Гарварде, где после войны получила развитие теория тоталитаризма, столкнулся с нехваткой материала и впоследствии переключился на XIX в.²⁴

В 2003 г. Борейша заявил во влиятельной «Газете Выборчей», что с коминтерновскими материалами уже работают итальянцы, французы, финны, венгры, болгары, но не поляки²⁵. В рамках этого проекта состоялся ряд поездок самого Борейши и нескольких его младших коллег в Москву²⁶.

В 2004–2014 гг. Е. Борейша преподавал в Университете Николая Коперника в Торуне. Он сыграл важную роль в установлении контактов между торуньским университетом и РГГУ, следствием чего явилась совместная магистерская программа двух дипломов «Историческая компаративистика и транзитология (Россия — Польша)», выпускниками которой за время моего руководства ею в 2010–2019 гг. стали более 50 россиян и поляков²⁷.

В 2012 г. в Москве состоялась защита подготовленной под моим научным руководством кандидатской диссертации П. Глушковского, наставником которого во время обучения в магистратуре был Е. Борейша. Защита польского историка в России стала возрождением практики, утраченной в постсоветский период. Вскоре на русском языке вышла книжная версия этого исследования²⁸. Выбор в качестве героя диссертации одиозного и в Польше, и в России Ф. Булгарина — еще один неконформистский

²² Горизонтов Л. Е., Гросул В. Я. Международная конференция «Крымская война 1853–1856: конфронтация различных цивилизаций». — Отечественная история, 2008, № 3, с. 206–209.

²³ Часть российских исследований была издана также в США: The Russian Empire and the Crimean War. Conceptualizing Experience and Exploring New Approaches. — Russian Studies in History, v. 51, 2012, № 1.

²⁴ Gorizontov L. East European Studies at Harvard University during the “Cold War” Era (Based upon Memoirs by M. K. Dziewanowski). — East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies. Warsaw, 2009, p. 113–121.

²⁵ Gazeta Wyborcza, 3.XI.2003.

²⁶ Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 416–417.

²⁷ Горизонтов Л. Е. Российско-польская магистерская программа РГГУ: опыт совместной подготовки историков. — Вестник РГГУ. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение», 2013, № 4, с. 39–45.

²⁸ Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. Под ред. Л. Е. Горизонтова. СПб., 2013.

почин Борейши, собственные аспиранты которого, как правило, разрабатывали темы по XX в. Он любил испытывать на прочность стереотипы, в том числе связанные с репутацией деятелей прошлого.

Борейша был увлечен идеей рассчитанного на длительную перспективу издательского проекта — польско-российской библиотеки («полоника, россияка, советика»), в рамках которой можно было бы публиковать переводы источников и исследований. Он искал единомышленников в России, вел переговоры, формировал издательский портфель. Однако этот проект остался нереализованным из-за отсутствия необходимой финансовой поддержки.

По решению наиболее авторитетного объединения историков страны — Польского исторического общества — в 2011–2012 гг. Борейша возглавил комиссию по подготовке 150-летнего юбилея Январского восстания. Он считал, что своя правда была как у сторонников, так и у противников вооруженной борьбы²⁹. Если наши сегодняшние знания позволяют говорить об отсутствии шансов на успех, то современники восстания имели основания думать иначе³⁰. Во время подготовки к юбилею Борейша в очередной раз убедился в разрушительном влиянии исторической политики на память народа и открыто писал об этом.

В марте 2013 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась большая международная конференция, посвященная А. Гейштору. Е. Борейша не смог участвовать в ней лично, но, как и медиевист К. Модзелевский (1937–2019), прислал для публикации свой текст. Текст Борейши был на польском языке. В сопроводительном письме от 27 февраля 2014 г. он признавался, что «довольно давно отвык писать по-русски». Модзелевский отправил текст на русском языке, набранный латиницей...

Думается, что Борейша принял от Гейштора эстафету в деле содействия общению историков Восточной, Центральной и Западной Европы, а также обмену научной информацией. Вспоминая Гейштора, Борейша писал о «магнетической притягательности дипломата высшего класса, щедро наделенного привлекательностью и интеллектом», отмечал необыкновенную его сдержанность³¹. Впоследствии в большой книге воспоминаний Борейша уделил Гейштору, наряду со своими ближайшими коллегами по цеху Кеневичем и Верещицким, особое внимание. Можно говорить о научной дипломатии, ведущейся Борейшей по собственной инициативе. Историк определенно имел склонность к выполнению дипломатических миссий, хотя и не принял предложения стать послом (речь, правда, шла о неевропейской испаноязычной стране³²).

Борейша разделял позицию сторонников органической работы, считавших своим долгом в любых обстоятельствах трудиться на пользу польской науки и культуры. Он продолжил дело своего отца, встав во главе наблюдательного совета издательства «Читательник». Историк выступал во влиятельной общественно-политической периодике, демонстрируя сочувствие одним интеллектуальным традициям и неприятие других.

Научное творчество Е. Борейши как нельзя лучше характеризуют два сборника 2010–2011 гг., в которые вошли его научные и публицистические статьи разных лет³³. Сборник по XIX в. является третьим, значительно расширенным изданием

²⁹ Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 423.

³⁰ Borejsza o szansach zwycięstwa w 1863 r.: ocena nie może być jednoznaczna. — URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/borejsza-o-znansach-zwyciestwa-w-1863-r-ocena-nie-moze-byc-jednoznaczna> (дата обращения 14.10.2019).

³¹ Борейша Е. В. Александр Гейштор (1916–1999). Несколько замечаний для будущих биографов. — Польша, Россия и Европа в судьбе историка. К столетию Александра Гейштора. Под ред. Л. Е. Горизонтова. М., 2016.

³² Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 320.

³³ Borejsza J. W. Piękny wiek XIX. Warszawa, 2010; *edem*. Stulecie zagłady.

и существенно превосходит по объему сборник по XX столетию. XIX столетие у БореЙши не только польское: он увлекался, например, итальянским Рисорджименто. Долгий XIX в. БореЙша назвал «прекрасным», ибо его лейтмотивом были надежды человечества на лучшее будущее³⁴. Вовсе не случайно «Прекрасный XIX век» впервые увидел свет в 1984 г. — в очень сложное для Польши время. Предлагая подготовить антологию «Историки и текущая политика», БореЙша выделял 1981–1989 гг. в особый период³⁵. Двумя годами раньше него переиздание своих статей предпринял С. Кеневич³⁶.

В 2011 г. БореЙша с тревогой писал о том, как «угрожающе поредели ряды историков XIX века»³⁷. Свою оценку ситуации в профессии представил на съезде польских историков в Ольштыне в 2009 г. другой ученый из Университета Николая Коперника, С. Калемба (1936–2009). Произведенные им на основе библиографии подсчеты внушали несколько больший оптимизм.

Доминантой XX столетия для БореЙши была жестокость: «век уничтожения»³⁸. На таком восприятии, несомненно, сказался личный опыт историка: в детстве он явился свидетелем погрома евреев во Львове, учиненного украинскими националистами совместно с занявшими город гитлеровцами, а затем рос в оккупированной Германией Варшаве, многие его родственники стали жертвами Холокоста. Смерть Сталина и осуждение культа личности БореЙша застал, находясь в СССР. Он подчеркивал, что общим для тоталитарных режимов был культ ненависти, строившийся на поиске врага³⁹. На заданный мною после его лекции в Москве вопрос о главном отличии тоталитаризма от авторитаризма последовал предельно короткий ответ: массовая поддержка населения⁴⁰.

Подавляющее число работ БореЙши связано с изучением левого и правового радикализма — их теоретических обоснований, практики, отдельных представителей. Такое сочетание и владение материалом двух столетий открывали широкое поле для сравнительно-исторического анализа и делали возможными важные обобщения⁴¹. Сопоставления XIX и XX вв. обычно складывались не в пользу последнего: светлые идеи (социалистическая утопия в их числе) подверглись позже искажению и послужили оправданием человеконенавистнических практик. С другой стороны, несомненна преемственность между тем, что было до и после Первой мировой войны.

Широко используя понятие тоталитаризма и считая плодотворным сравнение тоталитарных режимов, БореЙша с большой тщательностью разбирал особенности фашистской, нацистской и сталинской моделей, размышлял над их взаимными влияниями, настаивал на соблюдении принципа историзма⁴². Он различал коммунизм, большевизм и сталинизм, подчеркивая живучесть и изменчивость последнего. Жесткий критик Сталина, БореЙша не ставил знака равенства между действиями советского

³⁴ Borejsza J. W. Piękny wiek XIX, s. 7–8.

³⁵ Borejsza J. W. Stulecie zagłady, s. 235.

³⁶ Kieniewicz S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa, 1982.

³⁷ Шапуга Л. Указ. соч., с. 104.

³⁸ Изданную в честь Е. БореЙши книгу его коллеги называли «Век ненависти»: *Wiek nienawiści*. Warszawa, 2014.

³⁹ Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 275–276.

⁴⁰ Ср.: Borejsza J. W. Stulecie zagłady, s. 223.

⁴¹ Borejsza J. W. Szkoły nienawiści: historia faszystów europejskich, 1919–1945. Wrocław — Warszawa — Kraków, 2000; *Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century*. Ed. by J. W. Borejsza, K. Ziemer. New York, 2006.

⁴² БореЙша Е. В. Итальянский фашизм, нацизм и сталинизм. Три тоталитаризма из перспективы XXI века. — Европа: журнал Польского института международных дел, 2006, т. 6, № 3(20), с. 103–136.

и германского диктаторов в первой половине 1940-х годов⁴³. Признавал достижения ПНР⁴⁴, период которой не соглашался вычеркнуть из национальной истории. В компаративном ключе рассматривал влияние тоталитарных режимов на современное общество, в том числе на память о них.

Стремясь в последние годы жизни к уединению в лесной глуши (для БореЙши, по его признанию, родина ассоциировалась с польским языком и польскими лесами), он продолжал интенсивную работу по нескольким направлениям. Как и раньше, переиздавал свои книги. Приводил в порядок богатый личный архив и большую библиотеку, будущее которых его очень беспокоило. Продолжал заявлять свою позицию в общественно-политической печати.

Но на первое место выдвинулись воспоминания, работу над которыми, используя свой дневник, историк начал еще в 2008 г. Обширные мемуары БореЙши, опубликованные им менее чем за год до кончины, наряду с изданными раньше воспоминаниями А. Гейштора (в записи Р. Яроцкого), Я. Тазбира, А. Валицкого, В. Сликовской, К. Модзелевского и ряда других корифеев польской историографии, а также перепиской С. Кеневича и Г. Верещицкого являются ценным источником по истории исторической науки послевоенного времени.

По многим вопросам БореЙша выступает в роли «последнего свидетеля»: большинство его сверстников уже пополнило «общество умерших историков». Состоящая из 81 тематического фрагмента книга воспоминаний называется «Останец» — использовано понятие из словаря геологии: последнее сохранившееся скальное образование, породы вокруг которого подверглись разрушению. Хотя этот образ связан с историей семьи, по всей видимости, именно таким трагически-гордым было его самоощущение в последние годы жизни.

Груз воспоминаний делался для БореЙши тяжелым бременем. Он явно стремился поделиться ими в статьях, интервью, неформальном общении. Именно в воспоминаниях он смог наиболее пространно высказаться о ПНР и СССР. Польские рецензенты отмечают, что БореЙша разрушает стереотипные представления о Советском Союзе. В интервью после выхода в свет воспоминаний он рассказывал о своих планах — больших и разнообразных, в том числе собирался продолжить работу над мемуарами.

Многие польские историки различной специализации, не обязательно бывшие аспиранты или магистранты БореЙши, считают его учителем. Он любил находиться в кругу молодых людей, из числа которых комплектовал, как сам это определял, свой «секретариат». Был достаточно терпим к инакомыслию: не все ученики полностью разделяли воззрения мэтра.

БореЙша был неисчерпаем на рассказы о коллегах-историках из разных стран, блистал остроумием и знанием тонкостей *savoir vivre*. Солировал в любой беседе. Любил оставлять впечатление недосказанности, усиливаемое хитрой и одновременно добродушной улыбкой на морщинистом лице. Всегда был полон замыслов. Он живо интересовался динамично меняющейся жизнью, бдительно подмечая ее связи с прошедшим. Сам сочетал в себе сопричастность дню сегодняшнему с подчеркнутой старомодностью, языковым пуризмом, приверженностью этикету и протоколу. Требовал пунктуальности от других: не выносил опозданий и неаккуратности в ведении переписки. Запомнился навсегда.

Библиография

БореЙша Е. В. Александр Гейштор (1916–1999). Несколько замечаний для будущих биографов. — Польша, Россия и Европа в судьбе историка. К столетию Александра Гейштора. Под ред. Л. Е. Горизонтова. М., 2016, с. 44–51.

⁴³ Borejsza J. W. Stulecie zagłady, s. 199.

⁴⁴ Borejsza J. W. Ostaniec..., s. 479.

Борейша Е. В. Итальянский фашизм, нацизм и сталинизм. Три тоталитаризма из перспективы XXI века. — Европа: журнал Польского института международных дел, 2006, т. 6, № 3(20), с. 103–136.

Борейша Е. В. О понятии «антиславизма» у Адольфа Гитлера. — Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000, с. 369–380.

Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. Под ред. Л. Е. Горизонтова. СПб., 2013.

Горизонтов Л. Е., Гросул В. Я. Международная конференция «Крымская война 1853–1856: конфронтация различных цивилизаций». — Отечественная история, 2008, № 3, с. 206–209.

Горизонтов Л. Е. Российско-польская магистерская программа РГГУ: опыт совместной подготовки историков. — Вестник РГГУ. Серия «Документалистика. Документоведение. Архивоведение», 2013, № 4, с. 39–45.

Шаруга Л. Выписки из культурной периодики. — Новая Польша, 2011, № 7–8, с. 104–106.

Borejsza o szansach zwycięstwa w 1863 r.: ocena nie może być jednoznaczna. — URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/borejsza-o-szansach-zwyciestwa-w-1863-r-ocena-nie-moze-byc-jednoznaczna> (дата обращения: 14.10.2019).

Borejsza J. W. Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988.

Borejsza J. W. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.

Borejsza J. W. Mussolini był pierwszy... Warszawa, 1979.

Borejsza J. W. Ostatnie, czyli ostatni świadek. Warszawa, 2018.

Borejsza J. W. Patriota bez paszportu. Warszawa, 1970.

Borejsza J. W. Piękny wiek XIX. Warszawa, 2010.

Borejsza J. W. Rzym a wspólnota faszystowska. O penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa, 1981.

Borejsza J. W. Sekretarz Adama Mickiewicza: Armand Lévy i jego czasy, 1827–1891. Warszawa, 1969.

Borejsza J. W. Stulecie zagłady. Gdańsk — Warszawa, 2011.

Borejsza J. W. Szkoły nienawiści: historia faszyzmów europejskich, 1919–1945. Wrocław — Warszawa — Kraków, 2000.

Borejsza J. W. “Śmieszne sto milionów Słowian...”. Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera. Warszawa, 2006.

Gorizontov L. East European Studies at Harvard University during the “Cold War” Era (Based upon Memoirs by M. K. Dziewanowski). — East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies. Warsaw, 2009, p. 113–121.

Kieniewicz S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa, 1982.

Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej. Ed. by J. W. Borejsza, G. P. Bąbiak. Warszawa, 2008.

The Crimean War 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals. Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw, 2011.

The Russian Empire and the Crimean War. Conceptualizing Experience and Exploring New Approaches. — Russian Studies in History, v. 51, 2012, № 1.

Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century. Ed. by J. W. Borejsza, K. Ziemer. New York, 2006.

Wiek nienawiści. Warszawa, 2014.

References

Borejsza o szansach zwycięstwa w 1863 r.: ocena nie może być jednoznaczna. — URL: <https://dzieje.pl/aktualnosci/borejsza-o-szansach-zwyciestwa-w-1863-r-ocena-nie-moze-byc-jednoznaczna> (date of issue 14.10.2019).

Borejsza J. W. Alersnder Gieysztor (1916–1999). A Few Remarks for Future Biographers. — Poland, Russia and Europe in the Fate of the Historian. To the Centenary of Aleksander Gieysztor. Ed. by L. Gorizontov. Moscow, 2016, p. 44–51. (In Russ.)

Borejsza J. W. Antyslawizm Adolfa Hitlera. Warszawa, 1988.

Borejsza J. W. Emigracja polska po powstaniu styczniowym. Warszawa, 1966.

Borejsza J. W. Italian Fascism, Nazism and Stalinism. Three Totalitarianisms from the Perspective of the XXIst Century. — Europe: Journal of the Polish Institute of International Affairs, 2006, v. 6, № 3(20), p. 103–136. (In Russ.)

Borejsza J. W. Mussolini był pierwszy... Warszawa, 1979.

Borejsza J. W. On the Notion of «anti-Slavism» in Adolf Hitler's views. — Slavic Peoples: Commonness of History and Culture. Moscow, 2000, p. 369–380. (In Russ.)

Borejsza J. W. Ostaniec, czyli ostatni świadek. Warszawa, 2018.

Borejsza J. W. Patriota bez paszportu. Warszawa, 1970.

Borejsza J. W. Piękny wiek XIX. Warszawa, 2010.

Borejsza J. W. Rzym a wspólnota faszystowska. O penetracji faszyzmu włoskiego w Europie Środkowej, Południowej i Wschodniej. Warszawa, 1981.

Borejsza J. W. Sekretarz Adama Mickiewicza: Armand Lévy i jego czasy, 1827–1891. Warszawa, 1969.

Borejsza J. W. Stulecie zagłady. Gdańsk – Warszawa, 2011.

Borejsza J. W. Szkoły nienawiści: historia faszyzmów europejskich, 1919–1945. Wrocław – Warszawa – Kraków, 2000.

Borejsza J. W. “Śmieszne sto milionów Słowian...”. Wokół światopoglądu Adolfa Hitlera. Warszawa, 2006.

Głuszkowski P. F. V. Bulgarin in Russian-Polish Relations of the First Half of the XIXth Century: the Evolution of Identity and Political Views. Ed. by L. Gorizontov. Saint-Petersburg, 2013. (In Russ.)

Gorizontov L. East European Studies at Harvard University during the “Cold War” Era (Based upon Memoirs by M. K. Dziewanowski). — East and West. History and Contemporary State of Eastern Studies. Warsaw, 2009, p. 113–121.

Gorizontov L. E., Grosul V. Ja. International Conference «Crimean War 1853–1856: Confrontation of Different Civilizations». — Domestic History, 2008, № 3, p. 206–209. (In Russ.)

Gorizontov L. E. The Russian-Polish MA Program of RSUH: Experience of Joint Training of Historians. — Bulletin of RSUH. A Series «Documentary. Documentation. Archival Science», 2013, № 4, p. 39–45. (In Russ.)

Kieniewicz S. Historyk a świadomość narodowa. Warszawa, 1982.

Polacy i ziemie polskie w dobie wojny krymskiej. Ed. by J. W. Borejsza, G. P. Bąbiak. Warszawa, 2008.

Szaruga L. Extracts from Cultural Periodicals. — New Poland, 2011, № 7–8, p. 104–106. (In Russ.)

The Crimean War 1853–1856. Colonial Skirmish or Rehearsal for World War? Empires, Nations, and Individuals. Ed. by J. W. Borejsza. Warsaw, 2011.

The Russian Empire and the Crimean War. Conceptualizing Experience and Exploring New Approaches. — Russian Studies in History, v. 51, 2012, № 1.

Totalitarian and Authoritarian Regimes in Europe: Legacies and Lessons from the Twentieth Century. Ed. by J. W. Borejsza, K. Ziemer. New York, 2006.

Wiek nienawiści. Warszawa, 2014.